

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Редькин

Соломон Давидович, удобно устроившись в своем рабочем кресле, маленькими глотками отпивал черный кофе. Через открытое окно в комнату проникало весеннее утро с запахом тополиных почек и писком синички где-то в соседней кроне.

Отчет за первый квартал сдан. Начальство в целом довольно. Сегодня пятница и самое время себе заказать на воскресенье что-нибудь эдакое. Из окна нижнего этажа доносилась веселенькая музыка.

И тут зазвонил телефон. Соломон Давидович взял трубку, предварительно расплывшись в улыбке и настраиваясь на работу с клиентом.

– Доброе утро, я рад вас слышать снова. Но, простите, вы ведь могли бы зайти к нам, как всегда, вот и поговорили бы. И кофе у нас, пожалуй, не хуже, чем в ресторане. Ну конечно, я буду, ну как можно отказать постоянному клиенту? Да, хорошо, но лучше в семь. Раз для вас это так важно, и вообще, я всегда с удовольствием. До вечера, будьте здоровы! – сказал в трубку коммерческий директор и положил ее на рычаг. Хорошее настроенье как-то сразу улетучилось.

Каким-то дополнительным чувством Соломон Давидович почувал, что звонок этот неспроста, и проблема, которую хочет обсудить Редькин, вряд ли такая уж «мелочишка», как он сказал, и аппетит испортить вполне способна.

* Продолжение. Начало в кн. 64.

К семи часам Соломон Давидович входил в зал небольшого ресторанчика под милым названием «Бегемотик».

«Зачем опаздывать?» – подумал он, входя в зал, – раньше приду – раньше свободен, лишь бы Редькин не опоздал».

Редькин уже сидел за столиком в уютном углу почти пустого зала. На столике стояли два бокала, бросающие красные блики от пламени свечи на конусы салфеток. На тарелках была разложена изысканная закуска, таким букетом.

«Интересный разговор предстоит, – подумал Соломон Давидович, – даже вино мое запомнил. Что-то ему нужно».

Редькин, казалось, был несказанно рад встрече. Даже вышел навстречу из-за стола.

Соломон Давидович уселся в кресло, но почему-то не почувствовал с ним привычного единения. Он слушал ничего не значащую болтовню соседа и уже было подумал, что вечер пропал зря, как вдруг Редькин сказал:

– Между прочим, из-за вас я недавно получил небольшой скандальер прямо по месту жительства, так сказать, на семейном фронте.

– А мы тут при чем? – поинтересовался Соломон Давидович для поддержания разговора, предвидя нудное описание какой-то домашней неурядицы.

– Очень даже при чем. Возвращаюсь я из очередного путешествия. Ну, вы знаете мои пристрастия – рестораны и театры Парижа. Девятнадцатый век, светское и полусветское общество, приличная кухня, Монмартр. На этот раз я сидел в Мулен-Руже. Не скрою – меня там любят. Как завсегда, так и артисты – артистки, точнее. Ну и я никогда не скуплюсь. Кошелек мой всегда открыт – не жалко.

«Добрый ежик – чужим золотом разбрасываться», – подумал Соломон Давидович, но перебивать не стал.

– Так вот, после представления я, как всегда, за кулисы. Кордебалет на мне висит, прима ждет у себя. В общем, все прекрасно, все как всегда. Жаль, но все хорошее когда-нибудь кончается. Лампа догорела, открываю я глаза – и из своего кабинета прямо домой. Обед, конечно, в парижском ресторане прекрасный, но кушать хочется.

Захожу я в свою квартиру, супруга меня встречает. «Что это у тебя на лице? – спрашивает. – А ну-ка, подойди к свету. Так у тебя вся морда в помаде, и в какой яркой!» Я посмотрел в зеркало и обмер.

При этих словах Редькина у Соломона Давидовича все внутри сжалось, и только что съеденный супчик превратился в холодец. На какое-то время его сознание отключилось от внешнего мира, и в голове крутились только две фразы: «Не может быть! Как же так?». Когда у Соломона Давидовича опять включился слух, Редькин как раз дошел до кульминации повествования.

– Мумочка, – говорю я, – это меня девочки поздравляли с днем ангела по ошибке. Фаня Семеновна, ну, та дама, что у меня делает фирменную фаршированную рыбу, почему-то решила, что у меня сегодня день ангела, ну и девочки налетели.

Моя супруга еще больше раскричалась, говорит:

– Кому ты, старый козел, будешь лапшу на уши вешать? Может, твоя Фаня и не знает твоего дня рождения, но насчет твоей национальности вот уж никак не сомневается. Она точно была твоей любовницей, а может, и сейчас с ней былое приятно вспомнить.

В общем, я получил по полной программе. Не буду же я рассказывать про девочек из кордебалета. Какая уж там Фаня, хотя она когда-то тоже была очень даже ничего.

– Так вы действительно считаете, что помада оттуда? Но ведь этого не может быть! – прервал уже готового пуститься в воспоминания Редькина коммерческий директор. – Вы ведь сами знаете, что иногда мы можем попасть в места и ситуации, которые, как нам кажется, нам когда-то снились, и это ровно ничего не доказывает. Мало ли откуда у вас может появиться на лице помада. Объяснений этому мужчины и, главным образом, мужья за последние столетия придумали множество.

– Тут вы совершенно правы, Соломон Давидович, – согласился с ним Редькин, – объяснений действительно множество, – для жен. Но тонкость вся в том, что, во-первых, они ни одному из них не верят, а во-вторых, мужчина, как правило, наверняка знает происхождение подобного компромата.

Но не об этом маленьком семейном скандалчике я хотел с вами, уважаемый, поговорить. Если бы я хотел рассказать что-нибудь веселое из моей семейной жизни, я бы выбрал что-то другое.

– Но я опять отвлекаюсь, – перебил сам себя Редькин.

Он сделал заговорщицки серьезное лицо, перегнулся через стол, накрыл руку собеседника своей и почти в лицо Соломон Давидовичу прошептал: «Помада оттуда – это точно». Директор отдернул руку, как будто ее ошпарили.

Затем Редькин плюхнулся в свое кресло и многозначительно замолчал, глядя на собеседника.

– Так вот, – продолжил Редькин, явно довольный произведенным эффектом, – у меня тут возникла интересная, как мне кажется, идея.

В этом самом французском Мулен-Руже, где, как вы знаете, я частенько бываю, познакомился я одним странным типом. У нас, собственно, алкоголиков тоже предостаточно. И хромых на обе ноги тоже можно найти, если поискать. Но этот клиент, мало того что все это, так еще и гений. Я, конечно, художественных школ не заканчивал, но телевизор смотрю. Тулуз Лотрек его зовут – вот! Я как только его автопортрет увидел, так сразу и понял – это он, тот странный мужичок, с которым я только недавно так мило беседовал. Это я сейчас по-французски ни бум-бум, а в Париже все меня понимают.

Так вот этот Лотрек рисует на чем придется и своим друзьям даром раздает, а теперь рисунки этих девок никому не известных стоят кучу денег. Одной больше, одной меньше – никто же не знает, сколько их всего было. Смекаете, о чем я? Ну, и ваши интересы, конечно, в приоритете.

– Любой искусствовед скажет, что это новодел, – автоматически заметил Соломон Давидович, думая совершенно о другом, – да и вообще, это совершенно невозможно. Вы же понимаете, что это сон, – окончательно вернувшись в реальность, стал выкручиваться он.

По крайней мере Редькин был уверен, что директор выкручивается, притом довольно неуклюже.

– Сволочи, однако, – уже сидя дома перед телевизором, размышлял Редькин, – любым путем увилывают. И это понятно – у них на это монополия. Никого в долю брать не собираются. Опять же – кофе, еще одно доказательство. Тут такого не купишь, тем более в соседнем ларьке. И я поступил бы так же, и еще

попытался бы от себя избавиться. Нет, что-то я запутался – самому от себя никак не избавиться, разве что перестать быть собой. Тогда кто от кого должен избавляться?

На экране телевизора какой-то идиот высовывал руку из ящика для приема посылок, пугая подходивших. Раздавался дурацкий смех.

«Везде нас пытаются дураками выставить», – подумал Редькин и переключил канал. Там на ринге два здоровенных негра молотили друг друга по и так черным лицам.

«Вот – так-то оно проще – в открытую, – опять подумал Редькин, – а если они сильнее? Неграм хорошо, на них, может, и синяков не видно, и череп в два раза толще обычного. Да, неувязочка получается.

Значит нужно найти какие-то обходные ходы. Зря он выложил все директору. Теперь они, гады, насторожились, наверное, и сам Давидович за оплошность получит, то-то так в лице переменится и занервничал.

Значит, нужно выждать немного, пока успокоятся, и самому попытаться что-то предпринять. Получилось один раз – получится и в другой».

Придя хоть к какому-то выводу, Редькин перешел на диван, и как только удобно улегся, подложив под бок подушечку, из кухни раздался голос его супруги: «Боря, иди кушать. Я уже налила супчик». Этого пропускать было никак нельзя. На Мумочке Редькин в свое время женился не в последнюю очередь из-за ее кулинарных способностей.

В задумчивости разделяя фрикадельки в тарелке на мелкие части, Редькин пытался поймать ускользающую мысль, которая помахала ему хвостиком, когда он вставал с дивана. Но идея продолжала ускользать, а фрикадельки уже превратились в кашицу. Мысль нужно было как-то зафиксировать. И Редькин решился.

– Мумочка, где-то у нас была бутылочка коньячку? – задумчиво обратился он к жене, скатывая из хлеба шарик.

– И какой у нас сегодня праздник? – поинтересовалась жена. – Тебе же врач запретил, и жареное тоже. Я вот паровые котлеты делаю, а ты их коньяком запиваешь.

Но коньяк принесла, налила стопочку и опять отнесла в буфет.

– А день может быть сегодня особенный, а может, даже в нашей жизни переломный, как знать? – ответил Редькин, выпил коньяк и заел кусочком апельсина с блюдечка. – Может, жизнь наша изменится, и может даже, к лучшему, а сейчас мне подумать надо.

Мумочка еще что-то говорила о том, что хорошие идеи обычно дорого обходятся семье, а надо бы помочь сыну, а то в этой Америке ничего не зарабатываешь. Но Редькин уже по привычке отключил от своего сознания голос жены и стал думать.

В основном он отправлялся в места отдыха и хорошего питания. Приятно съесть чего душа пожелает, и чтобы тебе за это ничего не было. В места известные, ну хотя бы в Мулен-Руж. Известные по преданиям или исторически достоверные. Стоп! Исторически. То есть они в прошлом.

Оглянувшись, Редькин быстро полил паровую котлету кетчупом и положил в рот.

Вот именно – в прошлом. Из прошлого в будущее. Из настоящего в прошлое. Так это же перемещение во времени! И перемещать они могут только меня, а помада, видимо, переместилась как часть меня. Интересно!

Значит, если я спрячу какой-нибудь предмет там, и его никто не украдет по дороге, то я его получу здесь.

Эта мысль так поразила Редькина, что он встал из-за стола, так и не закончив обед, подошел к своей супруге сзади, обнял ее и прошептал на ухо:

– Мумочка, твой таки муж не такой уж и дурак!

После чего улегся на диван и стал пребывать в глубоком раздумье.

От такой выходки мужа Эмма Самойловна разволновалась окончательно. Последний раз, когда у мужа наблюдался такой взрыв самооценки, пришлось продать машину.

Петя

Петя выглянул из парадного. Дождь лил как нанятый, громко булькая соседней водосточной трубой. В свете фонаря под козырьком крыльца мерз нахохлившийся грач.

«Вот гадость, – подумал Петя, – зонтик забыл! А куда, собственно, спешить? К шести пойдут троллейбусы, а может, и дождь кончится. Покомарю в подвале часик – кто меня оттуда гонит? А этот гад пусть здесь на сквозняке и в сырости развлекается».

И очень довольный последним доводом, Петя вернулся в подвал. Там он придвинул свой стул к креслу «Пончика», уселся в кресле, положив ноги на стул, и оказалось, что сидеть так очень уютно. С улицы доносилось журчание воды, в подвале было тепло и сухо, и Петя начал потихонечку дремать.

Вдруг какой-то шорох заставил Петю открыть глаза. Перед ним стоял буфет, за которым, собственно, и разливалось масло по лампам. Буфет был старинный и, похоже, собранный из двух разных шкафов. Верх состоял из трех отделений, с дверцами, в которые были вставлены толстые граненые стекла в свинцовых переплетах. Верхушку украшала затейливая резная композиция из цветов и фруктов. Низ был когда-то комодом с множеством выдвижных ящиков, в которых располагались лампы и бутылочки с маслами.

Неожиданно Пете показалось, что дверцы буфета медленно и со скрипом открываются, а верхушка пристально смотрит глазом-яблоком. Петя взгляделся и увидел крепкий загнутый клюв и пронзительный слегка безумный глаз с круглым зрачком. Глаз мигнул и уставился на Петю. В скрипе дверец вдруг послышалось «ко-ко-коо», и вся верхняя часть буфета превратилась в огромную рыжую пеструю птицу. Она медленно повернулась на когтистых куриных лапах к Пете задом и расправила веером крапчатый хвост. Из нижнего отделения выдвинулся ящик с пустыми ячейками из-под бутылочек. Птица заклохоталась. Из-под хвоста у нее показалось что-то округлое, перламутрово-золотистое. «Яйца будет нести», – подумал Петя.

Но из-под хвоста вдруг выпала знакомая бутылочка с круглым дном и узким горлышком и упала точно в ячейку. Показалась вторая бутылочка, потом третья, четвертая. Птица приговаривала «ко-ко-коо», а бутылочки одна за другой падали точно в ячейки. Наконец ящик заполнился. Птица вздохнула. Но тут верхний ящик сам собой задвинулся в буфет, а на его место выехал тот, что был ниже. Птица опять заклохоталась, и бутылочки опять стали опускаться в ячейки. Петя глядел на это, открыв рот. Заполнив вто-

рой ящик, она перешла к третьему. Когда задвинулся последний ящик, птица захлопала крыльями, неуклюже повернулась кругом, встрепенулась, зашуршав перьями, сложила крылья, спрятала клюв под крыло и снова превратилась в деревянное украшение.

Обалдевший Петя вскочил с кресла, подбежал к буфету, выдвинул ящик и уставился на бутылочки. Они были тщательно пронумерованы, и возле каждой лежала бумажная лейка.

– Тьфу, черт! – высказался Петя и перекрестился. Ничего не изменилось. Он вернулся в кресло и задумался.

И тут опять раздался скрип, но уже за его спиной. Петя удивленно оглянулся. Сзади была гладкая стена – он это точно знал. Но сейчас за ним была дверь, и на пороге стоял плюгавенький рыжий карлик в изумрудном бархатном камзоле с филигранными золотыми пуговицами. На ногах у него были великолепные синие фирменные кроссовки. За спиной карлика угадывался глубокий темный проход в катакомбы.

Незнакомец злобно глянул на Петю и пошел к буфету, волоча за собой пустую проволочную тачку из супермаркета. Он вынул ящик с заполненными лампами и вывернул лампы насыпью в тачку – аж загрохотало. Петя хотел вскочить, но кресло не отпустило, крикнуть тоже не удалось. А карлик высыпал сверху второй ящик ламп, встряхнул тачку, чтоб улеглись, и отправил в нее таким же манером остальные лампы. Опять злобно глянул на Петю и сказал:

– А ты думал, они сами тут появляются? – и, оставив ящики на полу, утащил тачку в туннель. Не оглядываясь, карлик лягнул дверь прохода, и она снова стала стеной.

Петя дернулся и вскочил. На полу стояли ящики с пронумерованными пустыми лампами в ячейках. Петя попробовал поставить ящик на место. Ящик был тяжеленный и задвигался плохо.

– Вот гад! – выругался Петя. – Не мог сам на место поставить, а еще зарплату получает.

Управившись с ящиками, Петя поставил стул и кресло на место и отправился домой.

Дождь кончился, на улице было холодно, сыро и серо. Петя поднял воротник, засунул руки поглубже в карманы и пошел на остановку, не оборачиваясь на грача, – с него на сегодня было достаточно.

Мумочка и Галина

Галина мыла посуду, заодно обдумывая конструкцию каркаса куклы. Дело это было безрадостное. Кастрюль, как всегда, было четыре. Почему кастрюль всегда четыре, Галина уже давно перестала разбираться – видимо, это закон природы такой. Каркас по теории получался, а на практике нет. Вернее, внутри куклы он функционировал нормально, а к подставке не прищандоривался – как ни крути, а все равно шатался. А главное – мысли все время сбивались на Петину работу.

Ну какой женщине понравится, если ее мужчина в первом часу ночи вылезает из постели и уходит невесть куда? И то, что он аккуратно возвращается к пяти утра голодный и так, и этак, – совсем не утешает. Ты ему не жена, и когда он раздуплится и женится, неизвестно.

Можно, конечно, его послать и поискать кого-нибудь другого. Теоретически. Но в данном случае все как с каркасом. И главное понятно, что никуда они друг от друга не денутся, а вот поди ж ты.

Ну что это за работа такая? И пахнет от него. Ну, говорит, что это ароматические масла. Но местами уж очень похоже на французские духи, то женские, то мужские. Ну, в последнем варианте она сомневается. Потому как уж очень Петя консервативно-патриархальный. Так что соперников среди мужчин искать вроде не стоит.

Опять же эта история с дверью. С досады Галина скомкала полиэтиленовую майонезную баночку и зашвырнула в мусорное ведро, хотя обычно эти баночки мыла и разводила в них краску.

Они пошли на день рождения к Светлане. И лучше бы не ходили. Света, конечно, заказчик, и сама кукол покупает, и других приводит, но в близкие знакомые к ней лучше не идти. И для бизнеса, и для семьи лучше. Но тут Светлана вцепилась, как клещ: «Я тебе презентацию устрою – у меня весь боомнд будет на именинах».

Пошли! Во-первых, чем ближе они подходили к Светиному дому, тем больше портилось у Пети настроение. Потом он почему-то засунул свой ключ в дверь парадного. На звонок по мобильнику прибежал сын Светланы, открыл дверь и побежал наверх.

Вдруг потух свет – и Петя исчез. Галина боялась темноты и стала судорожно ощупывать совершенно гладкие стены. Свет тут же включился – и Петя оказался рядом: пихал какую-то дверь, которой только что не было. Или была? Создавалось впечатление, что дверь исчезла прямо на глазах. И Петя про нее сказал, что он здесь работает, но их позвали сверху, и стало не до двери. А когда шли вниз, то двери уже точно не было. Галина даже стену пощупала. И спрашивать было глупо. Как вам понравится такой вопрос:

– Петечка, была ли у Светы в подъезде дверь, а если была, то куда ты ее дел?

В гостях Галине показалось, что Света ведет себя по отношению к Пете уж очень по-свойски. Но тут опять пойдя пойми – уж такой ее Петя располагающий к себе человек. Всем кажется, что они с ним в один детский сад ходили.

Конечно, все гости ахали на Галкиных кукол, хотя у Светы вкус так себе – одну пупсытину заказывает. Но Галина как-то скисла, и если бы не Петя с его неисчерпаемым запасом анекдотов, так бы и провалила встречу. Светлана ее опять приглашала вместе с Петей, но Галина увильнула.

И самое противное, что когда она заносила Свете очередную фею – никакой двери в парадном не было. И что думать – совершенно непонятно! Хотя, возможно, ее просто заложили, потому что подъезд был свежееотремонтирован. И Светлана сказала, что не помнит, была у них дверь под лестницей или нет. Но ведь не в двери дело!

А может, Петя ходит к Свете на посиделки? Может, просто так, поиграться, а все равно обидно. Тут воображение у Галины понеслось вскачь, и она, чтоб не расплакаться, оставила посуду и пошла красить овечий мех для кукольных волос – дело морочливое и требующее внимания.

Но проклятая дверь не шла у нее из головы, и Галина решила пойти к Мумочке.

Мумочка жила этажом выше и была на двадцать лет старше. Почему ее называли Мумочкой, неясно. То ли это была сложная метаморфоза имени, Эмма – Маня – Муся – Мумочка, то ли производное от мамули. Но так ее звали и муж, и дети, и соседи. С Мумочкой они ходили в клуб биоэнергетики, где, собственно, и познакомились.

Галина ходила на презентацию в новых босоножках на высоких каблуках. Пробежав два с половиной часа, она совершенно обезножела и, ковыляя к маршрутке, вдруг увидела открытую дверь в немыслимой красоты белый сводчатый подвал. На полу на войлочной кошке сидели босые люди. Искушение снять босоножки победило: Галина спустилась вниз и таки их сняла!

Ее приняли как родную. Учитель был седой, спортивный и очень интеллигентный, обучающиеся дамы – ну просто комифо! Атмосфера ну очень возвышенная. Галине там сразу очень понравилось, и она даже записалась на инициацию рэйки.

Не все в подвале сидели на полу. Возле двери в низеньком кресле, накрытом клетчатым пледом, как шоколадное мороженое в вазочке, покоилась пышная дама в индийском сарафане с бахромой. Из-под бахромы выглядывали пухленькие маленькие ножки с розовыми пальчиками и пятками. Это была Мумочка. Мумочка была умная. Более того, она была мудрая. И, как оказалось на обратном пути, она жила с Галиной через потолок.

Галина отжала выполосканный мех, повесила его сушить, и только взяла телефон, как раздался звонок в дверь, и Мумочка пришла в гости сама.

Пока варился кофе с мускатным орехом и доставалось печенье, Галина рассказала про все свои сомнения: и про дверь, и про Свету, и про Петину работу. Мумочка слушала и не перебивала.

Галина разливала кофе, себе в кухонную чашку с котом, а госте в специально гостевую полупрозрачную китайскую фарфоровую чашку с журавлями. Мумочка задумалась. Она думала довольно долго, отхлебывая кофе мелкими глоточками и не забывая про печенье. Наконец все взвесив, она стала задавать вопросы.

– А что, Петя кидается, шипит, в глаза не смотрит, еду ругает, плохо ест?

– Да нет, ест за милую душу и не кидается, только думает и молчит.

– Вот зараза, а раньше кидался?

– Нет.

– Это уже лучше, хотя как сказать...

– А подарки дарит сам?

– Дарит. Сам.

– Н-да. Деньги складывает или еще долги отдает?

– Вот сейчас последние отдает, но, по-моему, уже начал складывать.

– Ты, Галина, как всегда, не в ту сторону смотришь. На Свету ты плюнь, она, конечно, вертихвостка, но Петя ей не нужен – не те деньги. Даже если она ему голову морочить будет, то не слишком долго, ремонт она уже закончила. А твой Петя не так блеснит, чтоб им гостей развлекать, и не такой крутой, чтоб за его счет жить.

С дверями там не разбери-поймешь, но это тоже чепуха, и дела его фирмы – может, они от налоговой прячутся. А вот что это за работа такая, чтоб за штуку зелени четыре часа в ночь работать? Что-то тут не то! То ли он врет, то ли ему врут. Вот он и думает. Видимо, ему тоже что-то не нравится, вот и молчит – тебя волновать не хочет. Я так думаю, что скоро прояснится. Ты особенно не волнуйся, Петя везучий. До сих пор как-то крутился – и сейчас выкрутится. Толку с него не будет, в смысле денег, но человек он порядочный и приятный, хотя с его скоростями я б его уже убила.

– Почему денег не будет? Он же старается...

– Потому что ему работать интереснее, чем зарабатывать, – ты сама такая же. А вот что мне с Редькиным делать? То, что он опять шляется, то и черт с ним. Но чуется мое сердце, что затевается опять какая-то афера. На днях приходит в помаде. И какая помада – я такой уже лет тридцать не видала, такая у моей тети Лизы была, сейчас такую не делают. Что за баба? Судя по помаде, ей должно быть лет восемьдесят.

Опять же глаза горят, бегают туда-сюда. Вчера борщ пересолила – глотнул не глядя. Это Редькин-то? Ой, кажется мне, опять пролетим на деньги. А вчера я к нему в кафе сходила, а у него на столе масляная лампа стоит. Вот я и вспомнила про Петю. Ты его порасспроси – хотя вряд ли он что-то знает. Может, Редькин тоже хочет в это ввязаться, так мне еще не хватало, чтоб его посадили.

Мумочка пухлой ручкой перевернула чашку и, подождав, губокомысленно поджав губы, воззрилась на кофейные узоры. Тяжело вздохнула и засобиралась домой.

Милиция

«Гражданин (без документов) был задержан в помещении продовольственного магазина «Одарка», где он втыкал острый предмет в грудную клетку гр. Попричного В.И., чем нанес ему повреждения, несовместимые с жизнью (протокол судмедэкспертизы прилагается)».

Майор Оприщенко посмотрел на фотографии подследственного: рожа какая-то мерзкая, с низким лбом и приплюснутым носом. И рот какой-то странный – домиком, с опущенными краями и торчащей вперед верхней губой. Рост – метр пятьдесят. Вес – девяносто килограммов. Однако!

«Наверное, цыган, – подумал майор. – Сейчас сюда придет целый табор каких-то цыган и будут клятвенно утверждать, что этот ублюдок весь вчерашний день провел в ресторане на юбилее какого-то их родственника, и с него глаз не спускало сорок человек. Гадость какая!»

Майор давно закаялся иметь дело с цыганами из-за общей бесперспективности – были прецеденты.

– Так, что нам скажут медэксперты? «...проникающее ранение острым предметом на 10 см. В процессе движения этого предмета сломаны два ребра. («Однако же!») Смерть наступила несколько ранее ранения или в одно время с ним в результате обширного инфаркта миокарда». А это уже интересно, но ничего не доказывает. Если тебя сейчас попытаются вскрыть как курицу, то у многих может произойти инфаркт. Ну что ж, посмотрим на клиента.

Оприщенко снял трубку и сказал: «Приведите вчерашнего задержанного, как его там? – майор глянул на первую страницу дела и добавил: – Ну, маленького черного», – и повесил трубку.

В дверь постучали, и два здоровенных конвоира втащили в кабинет почти шарообразного человечка с руками, скрепленными за спиной наручниками. Он упирался, всячески тормозя движение, и на какое-то время вся компания застряла в дверях. Как только его усадили на стул для допроса, он тут же вскочил и попытался броситься к столу с криком:

– Человек, отпусти меня, а то хуже будет!

Конвоиры посадили его на место, придержав за плечи. «Действительно, мерзкий тип», – подумал майор.

Начиная с низкого лба весь череп человечка был покрыт мелкими колечками сбившегося черного волоса или шерсти. Эта же шерсть выглядывала из рукавов, покрывая руки до пальцев. А на пальцах росли прямо-таки когти, черные и загнутые.

Майор сначала подумал, как всегда, отослать охрану, но потом вызвал из соседнего отдела лейтенанта Петькина – мужика здорового и тренированного. Так, на всякий случай.

Петькин зашел и присел на край стола. Охрана вышла за дверь, устроившись в коридоре.

– Вот субъект, – кивнул майор на цыгана, – завалил в гастрономе товарища стилетом и кричит, чтобы отпустили. Куча народа это видела, а он еще и угрожает.

– Угрожает? Это уже интересно! – оживился Петькин и окинул мужичка кровожадным взглядом.

– Ну, ладно, приступим. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

– Гули мы. Колодезные, подземные, – прогундосил цыган.

Майор записал фамилию – Гуль.

– Имя как? – опять спросил он.

– Человек, я тебе уже сказал, что никого не убивал, клятву я давал такую: убить только двоих – и всё. Это мясо само лежало, свежее. Разве нельзя? – прогундосил Гуль. И вдруг вскочив, опять бросился к столу с криком: – Отпустите, говорю вам – время идет!

От удара в живот Петькина, который, казалось, только того и ждал, мужичок согнулся и опять упал на стул, приобретя совершенно шарообразную форму.

– Раз вы так – тогда я обиделся! – зарычал он.

– И говорить не будешь? – перебил его майор. – Ничего, посидишь сутки в камере, а ребята с тобой поговорят. Глядишь – и разговоришься, а мы пока со свидетелями поработаем.

Майор многозначительно глянул на Петькина и уже собрался вызвать охрану, как вдруг арестованный опять заговорил:

– Я тебя, человек, предупреждал, что спешу, и пока никого не убил? – спросил он совершенно спокойным голосом.

Оба следователя уставились на цыгана, не зная, что делать. И не столько от его слов, сколько от его поведения.

Гуль вставал со стула и одновременно проворачивал руки, сцепленные сзади наручниками, вперед. Причем и наручники, и руки проходили сквозь туловище самого цыгана. Вывернув руки вперед, Гуль стряхнул с них наручники и, составив указательные и большие пальцы так, что они образовывали кинематографическую рамку, посмотрел через нее на Петькина. Глаза лейтенанта остекленели, и он тихонько сполз на пол.

Цыган подошел к обалдевшему майору и, указав ногтем большого пальца левой руки, который становился все длинней и длинней, превращаясь в двадцатисантиметровый клинок, сказал:

– Пиши пропуск, начальник, – нельзя мне всех убивать.

Получив пропуск из похолодевших рук майора, гуль ухмыльнулся, показав из-под верхней губы два длинных белых зуба, и приговаривая: «А жрать-то как хочется», – направился к двери. Вдруг на что-то решившись, вернулся, поронил когтем по пульсирующей на горле лежащего лейтенанта сонной артерии и, нагнувшись над фонтанчиком крови, утолил жажду. Поднявшись, вытер морду рукавом и вышел, тихонько притворив за собой дверь.

Редькин

Всю неделю Редькин готовился к путешествию. Он то сидел в задумчивости в своем кабинете и вносил некоторые поправки в свою будущую заявку, то гонял по городу и разглядывал старые дома в его центре, то сидел в библиотеке и перелистывал краеведческую литературу. К пятнице заявка была готова.

В эту субботу банкета в его кафе не было, и на этот раз Редькин был этому даже рад. Отпустив уборщицу, он запер кафе изнутри, потом заперся в своем кабинете, удобно устроился в кресле на колесиках, поставил перед собой лампу и зажег фитиль.

Серый жеребец весело цокал подковами по камням мостовой. В храме на соборной площади звонили колокола, оповещая о вечерней службе. Солнце блестело на мокрых листьях молодых кле-

нов в сквере на площади и отражалось в окнах недавно построенного Пассажа.

Редькин ехал в пролетке мимо собора, мимо Пассажа, и настроение у него было замечательное. Экипаж повернул с Преображенской на Дерибасовскую и покатил мимо Городского сада. Вдоль улицы все в цвету стояли молодые акации.

«А теперь здесь липы, а акации уже лет сорок пять как выкорчевали, – подумал Редькин, – а акации тут были, пожалуй, как-то уместней».

Навстречу пролетке попадались редкие извозчики. Прохожие переходили улицу в удобном для себя месте. «Прямо как сейчас, – подумал Редькин.

На углу Екатерининской стоял роскошный городской с саблей и револьвером на шнуре.

Пропустили автомобиль, поворачивающий с Екатерининской на Дерибасовскую. Жеребец дернулся в сторону, но кучер удержал его. Повернув, проехали квартал по Екатерининской.

– А вот и кафе Фанкони, барин, – сообщил кучер, останавливая пролетку.

На улице под парусиновым тентом стояли столики. С подносами бегали официанты в длинных белых передниках.

– Все-таки приятно, когда тебя называют баринком и не имеют в виду никаких значений этого слова, кроме буквального.

Редькин с барским видом расстегнул сюртук, достал из кармана жилетки золотую луковицу часов, поддел крышечку, которая с музыкой отворилась. Было пять минут седьмого, из храмов доносился колокольный перезвон, в высокие окна проникали лучи еще не горячего вечернего солнца начала лета. Редькин зашел в кафе. Подбежавший гарсон провел посетителя за угловой столиком, из-за которого был виден весь зал.

За столиком напротив у другой стены сидела компания молодых людей, одетых по последней моде. Среди них явно выделялся молодой джентльмен, безукоризненно одетый, с тонкими усиками и несколько раскосыми глазами.

Редькин отпивал небольшими глоточками очень ароматный кофе – колониальный товар. «Может, они даже тут кофе берут», – подумал он, рассматривая молодых людей.

Но тут и молодые люди заметили Редькина. Тот, что с усиками, встал, подошел к Редькину и, поздравив с приездом, предложил пересесть к нему. Редькин, как бы делая одолжение, согласился.

Подводя Редькина к столику, Мишка Япончик, а это был он собственной персоной, представил гостя друзьям.

– Знакомьтесь, это гость нашего города и мой старый друг Шмерль Иосифович Горинштейн, – ребята дружески закивали. – Он прибыл ко мне по небольшому дельцу из Санкт-Петербурга. Там он известен под именем Рюрикович.

Произнесенное имя произвело на ребят впечатление гранаты, которая крутится на столе с зажженным фитилем. Они наперебой стали подниматься из-за стола, еще раз неуклюже поздравлять Редькина с прибытием, а затем старший из них высказал общую мысль:

– Миша, мы тут, пожалуй, пойдем пройдемся по свежему воздуху, очень уж вечер хорош.

После разрешающего «да, да, конечно» ребята быстренько убралась из кафе с видом, что им крупно повезло. Каждый из них знал, что за Рюриковичем трупов больше, чем они вместе съели фаршированных рыб.

Этой выдумкой Редькин был особенно доволен.

– Так что именно вас, уважаемый, привело в наш прекрасный город из вашего, не менее замечательного? – поинтересовался Миша, после того как чашка Редькина опустела.

– Миша, ты же знаешь, что ты мне как сын (Япончика несколько передернуло), и мне всегда приятно с тобой посидеть побеседовать, когда я бываю в Одессе, – начал излагать Редькин, промокнув рот салфеткой. – Но в данном случае я хочу обратиться к тебе с просьбой, – Редькин сделал паузу, как бы обдумывая, стоит ли обращаться.

– Да, конечно, чем могу – помогу, – вставил Япончик реплику в паузу.

– Нет, нет, ничего сложного, – поспешил заверить Редькин, – мне нужна какая-нибудь прелестная вещица на подарок. Что-нибудь в виде броши, кулона, в крайнем случае перстень. Я бы у вас приобрел. Я, конечно, мог бы обратиться к ювелирам,

но меня некоторые знают. И вообще, зачем светиться в этом городе, где все так замечательно беспечно, что одевают украшения даже по вечерам?

Редькин улыбнулся своей шутке, как бы давая знать, что можно тоже улыбнуться, но Япончик сидел серьезный и что-то прикидывал в уме.

– Я, кажется, имею что вам предложить, – подумав, сказал он. – К нам тут попала недавно одна интересная вещица – небольшая розеточка с бриллиантами и изумрудами. Занятная вещица и чудненько смотрится в районе дамского бюста. Так вот ее я хочу вам и предложить. Вещица у нас в городе может быть легко опознана, так что мы ее собирались разобрать и продать, так сказать, на запчасти, и если вы ее увезете – так и ладненько.

Получив утвердительный кивок Редькина, Миша жестом позвал официанта и велел позвать с улицы Яшу. Ребята далеко на свежий воздух не пошли, а сидели за столиком на веранде, рассматривая содержимое проезжающих мимо пролетов.

– Яша, – сказал Япончик, – слетай на Базарную к тете Симе и привези ту безделушку, что я ей оставил, она знает. Скажешь: «Миша просил аккуратненько».

– Айн момент, – сказал Яша и исчез.

Буквально через полчаса он появился, соскочив с подножки еще не успевшего остановиться извозчика.

– Это передала тетя Сима, – отрапортовал он и протянул Япончику сверточек зеленого бархата. – Немного задержался – она искала, во что попримичнее завернуть.

– Пожалуйста взглянуть, – предложил Миша, когда Яша исчез в дверях.

Редькин развернул зеленую тряпицу и внутренне ахнул. Это действительно было чудо. На бархатной салфетке лежал цветок из бриллиантов и изумрудов. Редькин сам придумал эту брошь, но даже не представлял, как она может быть хороша на самом деле. Он взял брошь в руки и какое-то время ловил ее камнями лучик желтого вечернего солнца, проходящего через высокое окно кафе.

– Ну что, берете? – прервал это занятие Миша, так как множественные блики на потолке уже стали привлекать посетителей.

– Беру, – выдохнул Редькин, с сожалением заворачивая брошь в бархотку и пряча во внутренний карман сюртука.

– О цене мы, надеюсь, договоримся? – насторожившись, спросил Миша.

– Да что тут договариваться, – сказал Редькин, – я думаю, этого хватит.

С этими словами он достал из кармана пачку сторублевых банкнот в банковской упаковке и протянул их Япончику.

Миша сорвал бумажную обвязку и прошелестел купюрами.

– Тут даже много, с избытком, хватило бы и половины, – сказал он.

– Миша, разве я обращался бы к тебе по мелочам? Все суета сует, и не стоит придавать деньгам больше значения, чем они имеют.

В голосе Редькина появились отцовские нотки.

– Хорошо, будем считать, что я ваш должник, – сказал Миша, пряча деньги в бумажник. – Но зачем нам эти долги? Позвольте пригласить вас в ресторан. Сегодня или завтра, как вам удобно. Можно неплохо посидеть в массе приятных мест.

Редькин чуть не согласился, но вовремя вспомнил, что поход в ресторан не заказан заранее.

Поблагодарив за сотрудничество и пообещав в следующий свой приезд обязательно составить компанию при посещении различных значных мест, Редькин с деланной небрежностью вышел из кафе, выдав гарсону сотню на чай, отчего тот остолбенел да так и остался стоять, переваривая фразу «сдачи не надо». Других купюр у Редькина не было.

Выскочив наперерез извозчику, Редькин чуть не попал под лошадь. Кучер было начал материться, но Редькин тыкнул ему под нос сотню рублей и закричал: «Гони на Прохоровскую! Сдачи не надо!». Гнедой кобыле давно не приходилось преодолевать расстояние по городу с такой скоростью.

Солнце садилось. Пролетка неслась по Прохоровской. Грохот колес эхом отдавался в домах. Некоторые окна уже светились зажженными керосиновыми лампами.

А вот и нужный забор.

– Стой, приехали!

Извозчик осадил лошадь, и как только Редькин отдал обещанную купюру и выпрыгнул на тротуар, убрался тем же аллюром, каким приехал сюда, – вдруг странный пассажир передумает. Но Редькину уже было все равно. Он шел вдоль строящегося забора и считал камни. От калитки пятый камень в третьем ряду. Только сегодня положен на глину. Редькин поднатужился и вынул камень. Чавкнула глина. Сделав углубление в слое глины на шве, Редькин аккуратно положил туда сверточек, предварительно упаковав его в два целлофановых пакета, и замазал глиной. Затем, поднатужившись, всунул камень на прежнее место. Отошел, посмотрел со стороны, поправил пальцем шов – вроде не видно. Оглянулся – никого нет, улица темная, только где-то вдали раздаются пьяные голоса. Редькин еще раз отошел от строящегося забора, перешел на другую сторону улицы и... открыл глаза.

Ежи странные животные

Получив от Галины адрес, Петя отправился искать уфологов. Отделение располагалось в подвале, над дверью которого висела табличка «Союз кинологов». Понимающе вздохнув, Петя спустился по лесенке, открыл дверь и оказался в сводчатом подвале, заставленном конторскими столами и деревянными скамейками.

Справа от входа, сидя за столом, громко кричала дама административного вида:

– Трахаетесь с кем попало, а я потом регистрируй, – возмущалась она. – Элитная сука и вот этот ублюдок!

– Да понимаете, я пришел из рейса, немножко выпили, а у моего кума такой красавец, мы решили их поженить, – оправдывался подвыпивший загорелый средних лет мужчина. У его ног лежала скучающая овчарка, слегка подергивая ухом на слишком громкий звук.

– Какой красавец? Этот ублюдок? Да у него документы купленные. Я вообще не знаю, на какой помойке он его поймал.

В глубине подвала под плакатом с бассетами сидел высокий блондин с благостно-проницательным взглядом экстрасенса и одобрительно кивал.

– Так ему, так, сейчас ему Ирина покажет, как породу портить. Вы ко мне?

– Мне бы отделение уфологии.

– Это вон туда, в ту комнату, – показал он в правый отсек на стеклянную дверь.

За дверью перед компьютером сидел худой взъерошенный молодой человек в очках и азартно играл в звездную стрелялку. Увидев Петю, он с сожалением поставил игру на паузу и принял деловой вид.

– Вы ко мне?

– Мне бы посоветоваться. Тут меня грачи преследуют. Очень странные. Во-первых, они летают за мной неотступно и днем, и ночью, причем одни и те же. Один большой толстый и два поплоче. Тот, который худой, крылья почему-то вперед загибает, а второй летает и забывает крыльями махать, не то что бы парит, а на взлете. Расставит крылья, как самолет, и взлетает вертикально, ни разу крыльями не взмахнув. Наверное, инопланетяне. Я, знаете, не пью, и не пил никогда особенно. И биологией с детства интересуюсь. И в нечистую силу не верю. И глюков у меня не бывает, я недавно медкомиссию проходил от военкомата. Может, вы знаете, что это за хрень такая, или проверить их можете.

– Так вы говорите, вороны?

– Грачи, – поправил Петя.

– Вот-вот, грачи. Не замечали за ними подобного поведения! Хотя все может быть. Мир, знаете ли, совсем не так устроен, как мы привыкли предполагать. Вот раньше люди жили на плоской Земле – и ничего, им это не мешало, плодились и размножались. А вот за воронами ничего такого не замечалось, хотя та еще птица. Другое дело ежи.

– А что ежи?

– Престранные, я вам скажу, создания. Сейчас как раз группа исследователей во главе со мной пытается ответить на вопросы, которые ежи задают нам, то есть человечеству. И натолкнул на ежей, то есть на размышления, нас такой же энтузиаст, как вы. Так что, вам еще одно спасибо.

«А когда же было первое?» – подумал Петя.

– Да, натолкнуться на ежа довольно неприятно – он же колючий, – добавил он.

– Вот-вот. Вы сразу ухватили суть проблемы, – похвалил Петю уфолог, – именно колючий. Вот как вы думаете, зачем ежу столько колючек?

– Ну, я думаю, чтоб его никто не съел.

– Может быть, может быть. Но, во-первых, существуют другие, более действенные способы защиты. Панцирь, например, или броня, как у броненосца, а ежик выбрал ненадежные иголки. Но парадокс как раз не в этом, а в том, что ежу приходится излучать в окружающую среду огромное количество энергии. Вы видели когда-нибудь коронные разряды или школьные опыты с распределением разрядов по поверхности? Весь разряд скапливается на остриях – вот!

Уфолог сделал паузу с видом человека, который только что открыл фундаментальный закон мироздания.

– Ну и что? – сразу не понял Петя.

– А сколько у ежика остриев? И все они излучают. Где же он столько энергии берет? Он же маленький!

Теперь другое. Вы когда-нибудь слышали, как ежики ходят? Правильно: топают и шумят. Спрашивается, зачем такому маленькому зверьку так шуметь? Ответов напрашивается два. Во-первых, еж гораздо больше, чем кажется. На астральном, конечно, плане. Поэтому даже слоны дают ему дорогу. Вы когда-нибудь слышали, чтобы слон наступил на ежа? Нет! И я нет. Разве что в сказке, которая хоть и добрым молодцам урок, но все же ложь.

Во-вторых, ежу нужен контакт с землей. Поэтому он каждую лапу ставит кардинально и фундаментально, как сваи заколачивает. Слышали, наверное, как ежики топают по полу всю ночь, если их пускают в квартиру? Это они заземление ищут. Вы спросите, зачем ежу заземление? Это более тонкий технический вопрос. Любой радиопередающей станции для нормальной работы нужна антенна и заземление. Антеннами ежик покрыт сплошь, причем разнонаправленными, а вот хорошее заземление ему приходится искать.

Другими словами, по нашим предварительным соображениям, ежи представляют сеть передвижных ретрансляторов, наподобие сотовой связи, покрывающей весь Старый Свет.

Заметьте, в Америке ежей нет, но это тема отдельного исследования.

– И куда же эти ежики ретранслируют, и от кого получают информацию? – с сомнением спросил Петя.

– Вот это и является насущной задачей современной уфологии. Есть соображения, что вся информация скапливается в каких-то центрах. В Шамбале, например. А поставляют ее агенты, внедренные в наше общество, нашу жизнь. А хоть бы и грачи ваши. Знаете: высоко сижу, далеко гляжу; всех кругом имею – дело разумею. Или что-то в этом роде. Очень подходящий камуфляж для агента внедрения. Ведь ни для кого не секрет, что все на земле делается под руководством инопланетян.

– Извините, а вот то, что вы рассказали про ежеиков, – это плоды ваших исследований?

– Честно говоря, исследования только начались, и то, что я вам изложил, – это убедительные аргументы для их развертывания в международном масштабе. Сейчас создается фонд изучения ежеиков. Средства уже поступают на наш счет от людей, которым небезразлична судьба планеты. Так что, я думаю, что еще одна загадка устройства мира не устоит перед совместным натиском ученых и энтузиастов.

Несколько обалдевший от нового поворота в видении мира, Петя вышел на улицу. Грач, рывшийся длинным клювом в опавшей листве, прекратил это занятие и уставился на него правым глазом

Редькин

Борис Александрович сидел в своем кабинете в полной темноте. Лампа потухла. Зажег свет, посмотрел на часы. Была половина одиннадцатого.

– До утра не доживу – не выдержу, – подумал Редькин и, заперев заведение, вышел на улицу.

Проголосовав, остановил частника.

– На Прохоровскую.

– Десять гривен.

Редькин хотел поторговаться, но затем махнул рукой:

– Поехали.

Забор был на том же месте, где он его оставил девяносто лет назад. Только он был не построен, а разобран до третьего ряда снизу.

Фонарь светил достаточно ярко, чтобы можно было посчитать камни. От калитки пятый камень. Калитки давно не было. Она была замурована кирпичом уже лет пятьдесят, но точка отсчета просматривалась. Один, два, три, четыре, пять, – считал Редькин. Сердце колотилось. Попробовал сдвинуть камень руками. Он сросся со стеной в одно целое. Заглянув за забор, нашел кусок ржавой водопроводной трубы. Раздолбал шов, всунул трубу, нажал – камень поддался и вывалился, разломившись на две половинки.

Напрасно Редькин еще часа полтора разрушал забор и измельчал глину – пакетика с брошью не было.

Петя у Крестовоздвиженского

По сравнению с ярким солнечным днем на улице, в подворотне было темно и пахло кошачьей мочой. И помойкой. Задерживаться там не хотелось.

Петя быстро прошел во двор, где рос пирамидальный тополь и сушилось белье на веревке, перетянутой через двор на уровне третьего этажа. Возле тополя стоял белобрысый молодой человек в джинсах и зеленой футболке. Он курил и как будто кого-то ждал. Увидев Петю, молодой человек улыбнулся и, показывая рукой куда-то в угол двора, сказал: «Если вы к художнику – то вам вон в тот подвальчик». Петя поблагодарил и пошел в указанный угол двора, подумав, что клиентурой художника Бог не обидел, раз все соседи его знают.

Спустившись на несколько ступенек по лестнице с поворотом, Петя оказался перед обшарпанной деревянной дверью в полуподвал. Постучал и услышал шаркающие шаги хозяина. Дверь отворилась, и на пороге появился Дионисий Самуилович собственной персоной. На нем не было костюма с галстуком,

а просто старые джинсы и перепачканная масляной краской клетчатая байковая рубашка.

– Добрый день, добрый день! – ответил художник на приветствие Пети. – Я так и думал, что вы найдете время посетить мою берлогу. Проходите, пожалуйста!

Петя прошел сначала в квадратную прихожую, из которой одна дверь была открыта в кухню, другая в большую комнату, а третья закрыта. «Туалет или подсобка», – подумал Петя и прошел в зал. Художник усадил Петю в старое, но очень удобное кресло, и Петя сразу в него провалился. Рядом с креслом стоял небольшой столик.

– Чай, кофе? – засуетился художник.

– Кофе, пожалуйста, только не крепкий.

Хозяин убежал на кухню, а Петя стал осматриваться. В большой комнате было много света, несмотря на полуподвальное помещение. Возле журнального столика, где сидел Петя, стояло еще одно такое же кресло. Рядом старинный буфет. «Видел я похожий в одном подвальчике», – подумал Петя.

У противоположной стены возвышался камин, настоящий, с мраморной полкой и старинными часами на ней. Часы стояли, а вот камин, видимо, был действующий, и топили его недавно. В нем была свежая зола и несколько обгоревших полена рядом.

В углу стоял телевизор, старый советский, с кнопчным переключателем каналов. В другом углу у окна громоздился большой аквариум. Из аквариума на Петю таращилась какая-то рыба в синих блестячках. Подойти рассмотреть Петя посчитал неудобным.

Возле другого окна стояли два мольберта. Один пустой, а на втором была укреплена уже законченная картина. На полотне маленькими узенькими мазочками было изображено большое красивое здание – возможно, готический собор. Пете показалось, что эту картину он уже где-то видел.

Скоро вернулся хозяин, переставил на столик с подноса кофейник, две чашечки, печенье, тарелочку с сыром и сухой колбасой. Достал из буфета бутылку армянского коньяка, конфеты в вазочке и две хрустальные стопочки. Все это он расставил на журнальном столике и пригласил гостя к трапезе. Налил кофе, поинтересовался: куда налить коньяк – в кофе или в стопочки?

Петя предпочитал в стопочки. Тогда художник опять полез в буфет и достал блюдечко с только что нарезанным лимоном.

– За знакомство, – сказал хозяин. – Всегда приятно познакомиться с интересным человеком.

Петя выпил и заявил:

– Скорее я должен был произнести такой тост. Вряд ли я представляю большой интерес для человека искусства вашего масштаба, – и кивнул на картину.

– Ну что вы, эта картина не моя, это Моне, «Собор в Руане. Закат». Одна из его лучших картин, как мне кажется. Вам нравится?

Да, Пете Моне нравился, даже настроение как-то поднимал, если рассматривать полотно не спеша. Куда-то в глубину души прятались страхи и опасения, и жизнь начинала казаться светлей и радостней.

– Да, приличная картина, – сказал Петя и закусил лимончиком. – Оригинал, наверное, еще лучше. Вы ведь копию писали по фотографии или по альбому какому-нибудь. Та еще цветопередача. Хотя я как-то смотрел альбом нашего современного художника. Ну просто класс! Все как настоящее. Пошел на его выставку, а там на картины тряпочки, фольга и жемчуг речной наклеен.

– Знаю я этого художника, но в данном случае никаких искажений нет. Копия похожая, хоть к нотариусу неси. Вы знаете, приятно иногда просто наследовать гению. Хоть и понимаешь, что твой труд вторичен, но, повторяя в точности все мазки мастера, чувствуешь сопричастность творчеству.

– Извините за вопрос, может, я чего-то не понял, но как же вы делаете копию, если у вас нет природы? Ведь оригинал Моне где-то в музее. Или вы в музее и пишете? – напрягшись, как можно культурнее изложил Петя свое недоумение.

Тут он вспомнил сомнения Галины и решил послушать, как художник будет выкручиваться. Музеи – они далеко, во Франции.

– Нет, пишу я не в музее, – стал объяснять художник, похоже, не уловив подвоха, – в музее шум, народ толпами ходит, того и гляди под руку толкнут, а кроме того, моя работа не терпит посторонних. Пишу я прямо здесь, в этой мастерской.

– По памяти, что ли?

– Нет, исключительно с природы.

От такого оборота Петя выпил свой коньяк без всякого тоста и уставился на художника, не зная, что сказать, и с недоверием на лице.

В это время Дионисий сосредоточенно сооружал бутербродики с сыром и колбасой и не заметил произведенного эффекта.

Затем, увидев лицо гостя, логика которого зашла в тупик, он решил пояснить:

– Мне картины Никифор приносит. Ненадолго. Я их отражаю на полотно, а потом остается только раскрасить. Конечно, это мог бы всякий, и для художника это неприлично, но я в этом вижу общение с великим. Как бы сотворчество. Возьмите бутербродик, вы совершенно ничем не закусываете.

– Извините, Дионисий Самойлович, видимо, я вас плохо понял, – решил последний раз уточнить Петя, держа бутерброд в руке, как нечто постороннее. – Вам кто-то приносит картины прямо из музея «ненадолго», и вы их тут копируете?

– Именно так, да, именно так! – подтвердил художник, расплывшись в улыбке от удовольствия, что его, наконец, поняли.

– Нет, ну, вы меня таки дурите, – почти обиделся Петя и положил бутерброд на стол.

– Дорогой мой, я не собирался вас «дурить» или разыгрывать каким-нибудь другим способом. Простите меня, если так вышло. Действительно, все это несколько необыкновенно, и вы не обязаны верить мне на слово. Я вынужден как-то реабилитироваться.

Крестовоздвиженский немного помолчал, пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию и разглядывая мастерскую как бы в поисках чего-то.

– Вот, – сказал он наконец, – попрошу еще раз Никифора. Если он согласится, то вы увидите оригинал этой картины.

Встал и уверенно вышел из комнаты.

Пока хозяина не было, Петя тоже стал разглядывать комнату и вдруг на полке буфета увидел что-то знакомое. Он встал с кресла, как бы для того, чтобы размять ноги, подошел к буфету. Сомнений не было – на полке стояла точно такая же лампа, как та, что он заполнял маслом каждую ночь.

«Интересно», – подумал Петя и потрогал краешек картины на мольберте. Убедившись, что краски свежие, опять сел в кресло.

В соседней комнате, которую Петя раньше принял за подсобку, слышались голоса. Дионисий что-то объяснял кому-то за тонкой перегородкой.

– Да не пойду я больше туда, – слышался молодой голос. – Что-бы надо мной там все смеялись – туда-сюда одну и ту же картину!

Потом возмущенный голос художника:

– Сколько можно жрать этот твой плов! Я его уже видеть не могу, да еще и полное блюдо.

– Так я же не только себе. Мне ж еще с ребятами делиться надо, – ответил молодой голос.

Дальше переговоры пошли тише, и Петя ничего не смог разобрать.

Минут через десять художник вернулся в комнату. По его виду было понятно, что дело сделано.

– Не желаете немного подкрепиться, скажем, отобедать чем бог послал? – поинтересовался он, потирая руки.

– Ну, мы как бы уже перекусили, да и не хотелось вас задерживать долго, – стал отказываться Петя. – Кстати, что там с картиной из Парижа? – не преминул съехидничать он.

– С картиной все нормально, ее скоро доставят, – не заметил ехидства художник. – А мы пока перекусим. Я вас уверяю, что такого плова вы в жизни не пробовали.

Петя засомневался насчет плова, так как предварительные закуски не обещали такого солидного продолжения, но согласился. Время еще было, и ему стало интересно, как художник выкрутится с картиной.

Получив согласие, хозяин опять ушел на кухню, повозился там минут пять и появился на пороге, неся на вытянутых руках поднос с блюдом, на котором дымился и благоухал насыпанный горкой рис. Холм из риса венчал толстый слой жареной баранины, вид и запах которой подтверждал, что это лучшие кусочки отборных молодых барашков. Жир, стекая с баранины, пропитывал желтый от шафрана рис, в котором попадались зерна граната и другие пряности. Запах был такой, что даже рыба в аквариуме засуетилась и стала принюхиваться.

Петя не ожидал от Самойловича таких кулинарных способностей. «Может, кто-то другой приготовил», – подумал он. В мастерской они были явно не одни.

– А где же ваш товарищ, с которым вы разговаривали? – поинтересовался Петя между двумя ложками плова.

– Так он же за картиной отправился по вашей просьбе, – ответил художник, вяло пережевывая рис. Ему угощение нравилось много меньше, чем Пете.

– В Париж отправился и скоро будет? – с сомнением переспросил Петя.

– В Париж, в Париж. Вот плов доедим – он и появится.

– Может, вашему товарищу, кажется, Никифору, оставим плова?

– Нет, плов нужно доесть весь, он свою долю получит, – с уверенностью ответил Дионисий и опять стал жевать рис, словно выполняя почетный долг.

– Вам не нравится плов? – удивился Петя. – Мне он кажется очень вкусным. Я такого вообще никогда не ел.

– Я очень рад, что вам нравится, – оживился художник. – И Галину свою приводите, надеюсь, она не мусульманка.

– Конечно нет, а почему вы спрашиваете?

– Ну, у мусульман плов – фирменное блюдо, как бы не опозориться перед хозяйкой.

– Не волнуйтесь, плов не каждая хозяйка сделает. И вообще, говорят, на Востоке его только мужчины и готовят.

Петя уже собрался выложить все, что он знал о приготовлении плова, как в прихожей послышались шаги, и чем-то деревянным заделали о косяк двери.

Дионисий встрепенулся и с криком: – Раму, раму не побей, за чем ты вообще ее притащил! – выскочил из комнаты.

Дверь, только что закрытая за ним, опять распахнулась, и на пороге появился тот самый молодой человек, которого Петя встретил во дворе. Он внес картину в красивой позолоченной раме в мастерскую и установил на свободный мольберт.

– Вот, поглядите, перед вами подлинник Моне и его копия моей работы, – торжественно произнес Дионисий, приглашая жестом Петю начать осмотр.

Петя подошел к картинам и стал сравнивать. Принесенная работа была, конечно, старше копии, и в ней чувствовалась подлинность. Прошедшее время оставило на ней свои знаки. Краски утратили глянец новизны, но не потеряли красоты и цвета.

На обороте стояла печать музея Орсэй. Копия была как новая копейка и блестела свежим блеском. В остальном же идентичность была полная. Петя даже стал тщательно рассматривать верхний левый угол на одном и втором полотне, но различий не нашел.

Он отошел от картин, еще раз сравнивая, и чтобы сказать что-нибудь умное, усомнился:

– Но все-таки, это же новодел, и краски ярче, и трещинок нет.

– Все правильно, молодой человек, – подтвердил художник. – Вы очень наблюдательны, но не учли только одного – мы не создаем подделок, мы создаем копии. При этом в том виде, когда мастер поставил свою подпись в углу. Конечно, любая экспертиза сразу скажет, что копия писалась современными красками и на современном холсте. И это всё – больше различий нет. Спасибо, Никифор, можешь отнести оригинал на место.

– И вам спасибо, – сказал Никифор, ребята тоже благодарили, мы давно не собирались за таким вкусным пловом. Ну, до встречи!

Никифор поднял картину в раме и вышел, притворив за собой дверь ногой.

– Может, чайку попьем? А то после этого плова пить хочется.

Редькин

Только под утро Редькина наконец-то сморил сон. Всю ночь было чертовски противно. Причем буквально от всего. От того, как он глупо разговаривал с Соломоном, от этого идиотского выпендрежа с Мишкой Япончиком. Как будто нельзя было купить какую-то мелочь в магазине и не скакать по городу, как на пожар. А главное, он чувствовал себя полным дураком, потому что был полностью уверен в успехе этой затеи и даже решил провернуть ее с шиком и помпой, и оказался в полном дерьме. Вряд ли контора не поняла его намерений. Вот, наверное, посмеялись гады. А ведь и виду никто не подал. А может, это им не в диковинку? Может, каждый второй хочет вот так вот что-то с этих путешествий поиметь, а они давно к этому привыкли? Может, у них есть механизм противодействия подобным вещам. Черт их знает!

Утром Редькину снилось, как Соломон Давидович отворачивает пятый камень в третьем ряду, достает его пакетик, извлекает из него брошь и опускает ее в карман длинного бархатного халата. А затем вытирает глину с рук о халат на животе. Причем на красном бархате вместо глиняного пятна возникают светящиеся буквы: «Редькин, ты дурак».

Петя и Никифор

Выйдя из подвала художника, Петя сощурился от яркого солнца и прикрыл глаза. Прямо перед ним шелестел огромный тополь и чернела подворотня. Выйдя на улицу, по привычке огляделся – грачей нигде не было. Странно.

Вдоль улицы и во дворах стояли белые акации, все в цвету. Волны запаха прокатывались по переулку, улетая с легким ветерком. Именно аромат акации был для Пети запахом детства. Цветет акация – значит, лето, летние каникулы, теплое море и длинные, без конца, летние дни.

На мгновение забылись подвальчик и странная картина Моне из Парижа.

Но вместе с запахом акации Петя ощутил запах корицы. Опять корица. Ею пропахла вся мастерская Дионисия, но булочек Петя так и не дождался. «Наверное, съели до меня», – подумал он тогда. И вот опять совершенно отчетливый запах корицы.

– Что за фигня? – испортились все ассоциации, связанные с цветущей акацией. Петя плюнул и мысленно вернулся в подвальчик.

Если рассуждать здраво – Петя был свидетелем какого-то мошенничества с живописью. Ведь нельзя же серьезно воспринимать рассказ о доставке картины из Парижа. Тем не менее вторая картина – безусловно, старая и очень похожая на подлинную.

«Вот, – вдруг осенило Петю. – Дионисий пишет копии, а потом придает им старый вид». Где-то Петя об этом уже слышал. Составить картину очень даже можно. Чтобы лак потрескался и там еще чего-нибудь».

Значит, вторую картину принесли, допустим, от покупателя. То-то Никифор возмутился, мол, носи ее туда-сюда, и над ним

смеяться будут. С этим почти понятно. Остаются две вещи: почему Дионисий все это Пете показывал? Не из любви же к дешевым эффектам, хотя что он о художнике знает?

Опять же, почему Дионисий пригласил его к себе, угощал коньяком, а потом еще и прекрасным пловом, чего он от Пети хотел? Ведь ни о чем так и не поговорили. Что, ему пловом кормить некого или о живописи поговорить дилетантов не хватает? Или он так клиентуру ищет? Странно это. Так ему не Петю, а Марину коньяком поить надо, она ему скорее клиента на копию найдет. Станный человек. Говорят, что бывший священник, а в мастерской ни одной иконы. Правда, в других комнатах Петя не был – может, там? И визитка у него тоже. Что это там написано. «Художественные копии. Эксклюзивные стили. Экзорцизм». А это еще откуда? Вроде как не было. То еще совместительство.

И второе: откуда он знает о Галине? Тут Петя подумал, что не мешало бы пойти к Галке, тем более оказалось, что он туда и так идет.

Уже подходя к знакомому подъезду, Петя заметил очень знакомую фигуру. И не просто знакомую, а совершенно такую же, как он сам. Даже пятно на правой штанине было там, где надо. Петя еще раз посмотрел на свои штаны, потом на фигуру впереди себя, и тут незнакомец повернулся. Оказался он вполне знакомым – это был Петя. Точная копия, только с пакетом в руке. Второй Петя подмигнул первому и вошел в Галкин подъезд.

Петя почти вбежал за ним и наткнулся на Никифора.

– Никифор, а где же я? – ничего более умного не придумав, спросил Петя.

– Там же, где и я, – ответил Никифор, не смутившись, как будто ожидая подобный вопрос. – Ты только что за продуктами ходил. Вот возьми! – Никифор повесил на Петину руку, как на вешалку, увесистый фирменный пакет гастронома «Сельпо». – А перед этим ты весь день лежал на диване у Галины и смотрел Дискавери про дельфинов.

– Но я же был у Дионисия, плов ел?

– Ну, ты совсем не соображаешь. Может, тебе и все равно, что тебе грачи проходу не дают, а Дионисию такой пушистый хвост совершенно не нужен.

– А кто же был у Галки?
– Я был, конечно, везде за тебя отдуваюсь. И зачем ты только нашему попу сдался?
– Погоди, погоди, и что это ты у Галки целый день делал?
– Я же тебе сказал: телевизор смотрел.
Никифор, видимо, решил, что разговор пошел по кругу, быстро шагнул к двери и вышел на улицу, хлопнув дверью чуть не по Петину носу. Петя тут же открыл дверь – во дворе никого не было.

Джинны

Под полом что-то заскреблось, потом пол начал содрогаться от толчков снизу. На столе звякнул стакан, задевший за бутылку. В шкафу тонко отозвались фужеры.

– Опять этот мышь норист, – проворчал Крестовоздвиженский, встал с кресла и отогнул угол ковра на полу.

Снизу ударили, и три доски подскочили вверх, открыв черный проем подпола. Затем из проема показались две рыжие волосатые ручки с острыми черными ногтями и схватились за край доски. Ручки напряглись, из проема медленно, как воздушный шарик, вылетел маленький человечек. Он пролетел по комнате и приземлился в углу возле мольбертов.

Человечек был весь рыжий, рябой от веснушек, с метр росту вместе с высокой цилиндрической шляпой. Одет он был в зеленый кафтанчик, короткие штаны и туфли на высоком каблуке. Тулья шляпы и туфли были украшены большими пряжками, усыпанными бриллиантами. Вместо пуговиц были пришиты крупные бриллианты в золотой оправе.

– А в джинсах ты выглядишь не хуже, – заметил вместо приветствия Никифор, на которого столь эффектное появление не произвело никакого впечатления.

– Много ты понимаешь! В джинсах – это на работе. А это, во-первых, для души, а во-вторых – так меня никто не видел.

– Как же тебя не видеть – ты же блистешь, как елка в Рождество.

– Правильно, блещу. А ты видел когда-нибудь живых леприконов? И люди никогда не видели. И сколько бы эти туристы или всякая сволочь, что по моим штольням шастает, обо мне ни рассказывали, им никто никогда не поверит. Понял?

– А ты место не мог выбрать почище, поуютней, что ли, – Никифор опять протянул руки к огню и потянулся.

– Джинн должен жить в заброшенных и ужасных местах, а не на коврике у камина. Мы, гули, традиции чтим.

Дионисий во время этого разговора закрыл вход в подпол, поправил ковер и, придвинув кресло на прежнее место, сказал:

– Ребята, дело не во вкусах, а в том, что благодаря Рафлу мы узнали про этих гадов раньше, чем они успели вас всех прищучить.

– Рафл, будь добр, расскажи, как там у них дела, и давайте подумаем, что нам делать.

– Вот именно, – буркнул рыб, высунувшись наполовину из аквариума и отрастив себе на жаберной крышке ухо.

Гуль, несмотря на любовь к традициям, подвинулся ближе к камину, сел на ковер, поджав ноги, выхватил из огня один язычок пламени и с хрустом съел. Потом кашлянул и сказал:

– Сегодня огонек получше, а то в прошлый раз, наверное, кизяком топили.

– Не кизяком, а я свои старые валенки сжег, – поправил Дионисий. – Ну, рассказывай уже.

– Так вот, – подкрепившись, начал рассказ гуль, – прислали к нам четверых отпетых маридов. Терпеть их не могу – все хотят выслужиться. Залезли они, гады, ко мне в катакомбы, как будто к себе домой, и давай что-то строить. Как я уже рассказывал, сначала я хотел их просто выгнать, а может, и морды набить. Потом передумал – их же много больше, и здоровенные они, эти маридины. Дай, думаю, посмотрю, чем это они занимаются.

В общем, с прошлого раза они успели найти перекресток выработок, подправили его немного, чтоб по сторонам света правильно расположить. Потом дыру наверх пробуравили под нужным углом.

– Ага, это для луны, – догадался Никифор.

– И я так думаю, – подтвердил гуль. – Я притворился плесенью в соседней штольне и высунулся через трещину в их выработку. Вот и сидел там последние три дня. Местная плесень хотела

вступить со мной в интимную связь, а кивсяки стали мной питаться. Надеюсь, что у них заворот кишок приключился, если у них есть кишки. Вон, кусок рукава отгрызли.

– Кто такие эти кивсяки? – спросил художник.

– Это такие мокричные маленькие броненосики. Везде живут в сырых местах, и когда пугаются, сворачиваются в шарик. Та еще гадость, – уточнил Никифор.

– Ну, и что кивсяки? Тьфу! Ну и что эти мариды?

– Ловушка будет готова через два по три четверти на ближайшее полулуние, – гуль что-то стал считать, шевеля пальцами перед лицом, и уточнил: – У нас две с половиной недели и два дня.

– Что будем делать? – задал риторический вопрос Никифор. – Если им не помешать, то они включают свою шарманку, и все окрестные джинны сами явятся к этим гадам, а мы тут, собственно, не совсем легально. Хитрые сволочи. Полномочия у этих детей ехидны, очевидно, есть. А нет – будут через пару недель.

– Что может помешать джинну исполнить приказ?

– Воля второй категории, но она последний раз была в руках у Соломона. Буквально в руках. Его кольцо делало его желания волей второй категории.

– А первой?

– Только не надо называть нам это имя! – крикнул рыб из аквариума и, перевернувшись на другой бок, кажется, и в самом деле потерял сознание.

– В общем, ничего утешительного, – подытожил художник. – Дней через двадцать ваши старые друзья включают свою мышеловку, и вы, как мыши в сказке, пойдете на зов дудочки. И помешать им никак нельзя. Они вас отправят по этапу, а я либо опять буду рисовать бездарные пейзажи, либо за полной ненадобностью в экзорцистах буду доставать своим кошмарным вокалом Всевышнего на отпеваниях в его же храме. В общем, время еще есть, будем думать.

– Пока мы будем думать, ты расскажи, что там с этим работником Зиревым, почему его так птички пасут? – перевел разговор на другую тему гуль.

– А, Петя... Нормальный хлопец, – еще не совсем переключившись, произнес художник. – Пасут его по той причине, что в нем кое-

кто из вашей братии поселился. Такая себе внутренняя эмиграция. Но без компании ему скучно, вот он и устроил Петю к Зиру в лавку.

– Это тот Зир, что людям подержанную радость сбывает и прочие сомнительные удовольствия, – уточнил Никифор.

– Ну почему же подержанную? Каждый сам у него заказывает. Я когда-то был хорошо знаком с шефом их Эразмом Моисеевичем, тогда он был психиатром в районной поликлинике в моем приходе. Это он уже потом стал психоаналитиком и начал своих больных ко мне посылать. Мол, идите и морочьте голову попу. Пришлось с ним на эти темы беседовать, а потом его Зир нашел.

– А потому подержанную, что никто ничего нового придумать не может. Друг у друга идеи крадут с вариациями. Чтоб придумать новое удовольствие, тоже талант нужен. А таланту покупные удовольствия не нужны, ему настолько интересно жить, что ему главное, чтоб не мешали. Один хочет красавицу, другой десять, третий сто. Было, все уже было. У Соломона было 700 жен и 300 наложниц.

– Кстати о Соломоне, он там у них исполнительным директором работает, – вставил гуль. – Я, конечно, тоже, но не начальство, так, подрабатываю от скуки.

– А шкаф в курицу превращать – это тоже твое развлечение? – спросил Дионисий.

– Нет, это не развлечение, это скорее рационализация, – отозвался гуль. – Знаешь, как нудно эти бутылочки раскладывать? И буфету веселее. А то стоит вот так сто пятьдесят лет без малого. Дрова дровами. Никакой личной жизни.

– Также мне благодетель, – заметил Никифор, – Ты бы лучше подумал, что они нам могут пришить, если сцапают. Грачики небось не только Петиного жильца выпасали, но и деятельность, связи, чем фирма занимается, уже точно знают.

– Что-то они там, конечно, вывели, но Петя в ней никто, и зовут его никак, – сказал художник.

– Раз он не такая важная среди грачей птица, то для чего же ты перед ним тут распинался, за картиной посылал, бабу его приглашал? – возмутился Никифор.

– А ты знаешь, кто в нем сидит? Не знаешь. Я тоже не знаю. Но, в отличие от тебя, умею слушать и сопоставлять. Что было недавно в вашей родне, если вы еще этим интересуетесь?

– Ну, мятеж намечался, или вроде того. Там еще пытались племянника государева на трон посадить. И вроде бы у них все получалось, да сам претендент сбежал. Его, конечно, все сейчас ищут. Одни – чтоб опять бунт затеять. Другие – чтоб никто ничего больше не затевал. Да только никто его не нашел.

– Пока не нашел, – поправил Дионисий. – А вдруг в Пете будущий Меджид Второй и кроется?

– А мы ему поможем взойти на трон, и я буду плавать в хрустальном бассейне и подавать государю гениальные советы.

Существо в аквариуме вырастило руки и мечтательно жестикулировало в такт своим словам.

– Но скорее всего, по поводу подавления мятежа тебя зажарят на сковороде и выбросят во двор собакам, – уточнил гуль.

В аквариуме опять что-то хлюпнуло.

– Погоди, погоди, а с чего ты вдруг решил, что беглый Меджид именно тут, в Пете ошивается? Или это шутка такая? – спросил гуль.

– Рафл, ты как вчерашний. Или забыл, что Господь (при этих словах лица джиннов пошли глубокими морщинами, и они уменьшились в размерах, в аквариуме вокруг рыбы закипела вода) в своей бесконечной милости дал мне возможность видеть в человеке нечистую силу.

– Больше не надо так, хорошо? – немного придя в себя, попросил Никифор, – Мы к тебе по-хорошему, а ты забываешься.

– Это ты, Никифор, забывать стал, что именно я выгнал тебя из того бизнесмена, который по глупости в мою церковь зачастил.

– Ну и что хорошего вышло? Бизнесмен этот на благотворительности обанкротился и теперь торгует на Привозе иваси. На лицо деградация.

– Зато я ему душу спас, которую ты чуть не погубил. И тебя, кстати, тоже на дороге не бросил. Искусство все-таки дело хорошее.

– Хорошо, что было, то было. А сейчас ты кого видел? Откуда ты знаешь, что это Меджид?

– Вот в том-то и дело. Я Меджида никогда не видел. А сидит там темно-желтой плазмы джин. По описанию подходит.

Рыб постепенно пришел в себя, вода вокруг него постепенно перестала булькать. Он вылез из аквариума, сел на его край и свесил срочно выращенные ножки вниз.

– Ребята, – сказал он, – у меня есть один знакомый джинн. Он по поручению большого начальства изучает аквариумное рыбоводство. Так он принца видел, и не один раз, у него и спросим.

– А если даже это принц и есть, и ради него затеяна вся охота, то радости никакой. Нас всех заметут вместе с ним как соучастников. И получим мы пожизненную должность жарить тощую баранину для нищих джиннов, притом в качестве огня.

Казалось, что нарисованная гулем перспектива расстроила самого оратора. Чтобы как-то утешиться, он покопался в камине, достал из углей толстенький язычок пламени, который там прятался, и стал его медленно есть, откусывая маленькими кусочками. Огоньку это явно не нравилось, он шипел и извивался.

– Вот что я вам скажу, ребята, – подвел итоги Дионисий, – грачи не грачи, принц – не принц, а вам пора отсель бежать. Рафл вас проведет до моря под землей, чтобы с воздуха не засекали, а там кто куда.

– Ничего не получится, – обреченно вздохнул гуль, доев огонек и облизав короткие пальцы. – Везде такие конструкции строят, чтобы никто не улизнул. Я их разговор слышал. Они с таким злорадством свой разговор думали, что кивсяки разбегались.

– Что-то для поимки одного Меджида слишком помпезно и дорого. Похоже, что затевается большая гадость, может, даже война. Только мобилизации нам не хватает! В любом случае я в этом участвовать не хочу. У меня тут во всех соседних царствах родственники или женщины, где ни поселись – подозрения в шпионаже не избежать, – вставил Никифор.

– Слушай, а ведь если джинна заключить в приличный сосуд и соответственно запечатать, то он выйти не сможет ни на какой зов, ведь так? – обрадованно спросил художник, думая, что ему пришла в голову гениальная мысль.

Никто не пришел в восторг, и даже наоборот, а Никифор кисло заметил:

– Мысль хорошая, даже гениальная, но печать на пробке опять же должна быть поставлена перстнем Соломона. Тем самым перстнем того самого Соломона, от которого нас отделяет три тысячи лет. И с тех пор перстень не давался никому. Так что...

И Никифор скептически улыбнулся и развел руками.

– Но почему же никому? – удивился Дионисий. – Перстень был одно время у Сахра, и он успешно с ним управлялся, а Сахр джинн.

– И все знают, сколько потом Сахр просидел в бутылке, запечатанной тем самым перстнем.

– Господа, а может, можно сделать такой перстень? Имечко на нем вырезать. Вот Дионисий художник – он сможет, – оживился гуль.

– И отправить создателю, чтобы он его вручил нам, – испортил ему настроение художник.

– А вот ключики, ключики Соломона – их же может делать кто ни попадя.

– Да только они для бутылки не годятся, – заметил Никифор.

– А может, я просто схожу и выставлю их на фиг из той выработки именем известной вам власти? – предложил Дионисий.

– И они дружно и весело отправятся в другую выработку, точно по указанному тобой адресу, где мы их фиг найдем, – вставил реплику Никифор.

– Н-да, незадача... А если я вам прикажу стоять на месте?

– Ну, часа на полтора в лучшем случае ты нас продержишь, а ее меньше, чем на две недели, не запускают – нерентабельно.

– Вот гадство, а зачем аж на две недели, вы же мгновенно перемещаетесь?

– Ну вдруг еще какие-нибудь джинны из соседних мест забредут, музыку послушать.

– Так они же чужие.

– Ничего, в хозяйстве пригодятся.

Грачи

На толстой горизонтальной ветке старого платана сидели четыре грача. В сидении грачей на ветке платана даже самый придирчивый наблюдатель не нашел бы ничего предосудительного. Тем более что наблюдатель вряд ли знал разговорный язык грачей, а тем более простонародный язык джиннов. А вот грачи как раз на этом языке и разговаривали.

– И сколько может приличный ифрит ходить с руками за спиной? – возмутился грач и ухитрился переплести крылья пе-

ред грудью. От этого упражнения лапки у него зацепились друг за друга, он потерял равновесие и сорвался с ветки. Но сорвавшись, грач так и остался стоять в воздухе, выпятив грудь и скрестив на ней крылья.

– Омар, – резко одернул его самый большой грач, который отличался не только размерами, но и тем, что у него на левой лапе вперед торчали четыре пальца вместо трех.

– Сядь на ветку и не ерпенься. Возмущаться будешь дома перед тем, кто нас послал, да забудет неназываемый его имя. И вообще, это всех касается: летать, махая крыльями, время от времени каркать! Когда на вас смотрят, делать вид, что ищете прошлогодний орех.

– Где бы я ни находился? – поинтересовался Омар.

– А может, мы и гнезда вить будем? Вон какие вокруг грачихи аппетитные.

– Грачей команды жрать не было, а тем более грачих. И вообще, хватит умничать. Подлети и послушай, о чем они говорят!

Омар слетел с ветки и, описав дугу, демонстрируя всем, что он на самом деле никакой не ифрит, а самый настоящий грач, уселся на тоненькую веточку у пивного павильона. Веточка не прогнулась.

За окном Петя беседовал со своим другом Сашей за кружкой черниговского пива.

– Вот смотри, – сказал Петя, видимо, к слову, – эта черная сволочь опять тут, – он ткнул кружкой в сторону грача.

– Может, птичке пива захотелось? – предположил Саша.

– Кыш, хищная птица! – махнул Петя рукой на грача. Грач перевернулся на веточке, взмахнул крыльями и вернулся обратно на платан.

– Они обсуждают, напоить нас пивом или нет. Я так и знал, что эти людишки всегда пытаются найти на нас ужасную погибель. Наверно, знают, что для нас пиво – как для них смола горячая. Смерти нашей ищут.

Продолжение следует